

БУДУЩЕЕ РОССИИ ЗАВИСИТ БОЛЬШЕ ВСЕГО ОТ РАЗВИТИЯ НАШЕЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ RUSSIA'S FUTURE MOSTLY DEPENDS ON DEVELOPMENT OF DOMESTIC FINANCIAL SYSTEM

А.Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, академик РАН.

A.G. AGANBEGIAN

Head of the Economic Theory and Policy Department at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), RAS Academician, Doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

За несколько последних десятилетий финансы приобрели значительное воздействие на ход экономического развития. С их помощью стало возможно воздействовать на циклическое развитие экономики.

В данной статье автор анализирует состояние финансовой системы России. Он приходит к выводу, что в России финансовая сфера самая отсталая и крайне неэффективная. В результате она, по сути, тормозит экономическое развитие страны. Если ничего не менять в подходах, то обеспечить выполнение поставленных президентом страны задач по росту экономики будет невозможно. Автор предлагает вернуться к законодательным реформам, способным обеспечить рост экономики на 3–5% в год. Сделать это можно за счет пересмотра налоговой системы, амортизационной политики и т.п. Но главным источником роста должны стать инвестиции и вложения в человеческий капитал. Главным локомотивом здесь могут стать банки. Активы банковской системы в России — главный денежный мешок, который есть в стране. Поэтому главным источником социально-экономического роста могут стать активы банковской системы, используемые в виде инвестиционного кредита. По мнению автора, стране необходим «финансовый форсаж» за счет увеличения инвестиций и вложений на 8–10% в год.

ABSTRACT

Over the past several decades, finance has gained serious influence on the course of economic development as it helps impact the cyclic development of economy. The author of this article analyzes the current state of the Russian financial system. He comes to the conclusion about the backwardness and high inefficiency of the financial sector in Russia. Consequently, the financial system actually hampers the country's economic development. If nothing is changed in the approaches used, it will be impossible to accomplish the tasks of economic development set by the President. Therefore, the author suggests that the government comes back to the legislative reforms capable of ensuring the annual economic growth of 3–5%. It can be done by way of revising the tax system, depreciation policy, etc. Moreover, the investment in human capital should become the key driver of growth, while banks may act as the main locomotive here. The assets of Russia's banking system actually represent the

key “moneybag” of the country. Thus, being used in the form of investment credit, these assets may become the key growth drivers. According to the author, the country needs “financial acceleration” through raising investments by 8–10% annually.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Финансовая система, рынок капитала, внебанковские активы, «длинные» деньги, инвестиции, экономика знаний, инвестиционный кредит, «финансовый форсаж», реформа налоговой системы, изменение амортизационной политики, кризис, стагнация, рецессия, стагфляция, инфляция.

KEYWORDS

Financial system, capital market, extra-bank assets, “long-term” money, investments, knowledge-driven economy, investment credit, “financial acceleration,” tax system reform, changes in depreciation policy, crisis, stagnation, recession, stagflation, inflation.

ФИНАНСЫ — ВОЗРАСТАЮЩАЯ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

После Второй мировой войны, особенно с 70-х годов XX века, роль финансов в социально-экономическом развитии стала определяющей, прежде всего, в развитых странах. В Западной Европе активы банков в два-три раза превысили ВВП. В США фондовый рынок, а также государственный долг страны также существенно превысили ВВП, а объем страхования, ипотечных фондов, паевых фондов, активы инвестиционных компаний — каждый из них приблизился к объему ВВП. В разы вырос рынок капитала, объем «длинных» денег, доля госбюджета в ВВП в среднем достигла 30–40%, возникла система деривативов — произ-

водных ценных бумаг, и хедж-фондов, объем которых в 10–12 раз превысил ВВП.

Развился весь инструментарий финансового рынка, монетизация экономики в разы превзошла объем ВВП. Все большую роль в развитии экономики стала играть ставка рефинансирования Центрального банка, облигации. На первый план вышла рыночная капитализация компаний, связанная с курсом акций. Усилилась роль валютных курсов, денежных резервов и др.

Постепенно сложилась мировая финансовая система с сильной глобализацией финансовых потоков, переливом капитала из страны в страну, а также между сферами экономики. Резко повысилась роль государства в регулировании финансовой системы страны. Финансы приобрели столь значительное воздействие на ход экономического развития, что с их помощью стало возможно воздействовать на циклическое развитие экономики, облегчать бремя периодических кризисов, которые стали воздействовать на динамику ВВП не по 10–20%, как в довоенные годы, а всего на несколько процентов.

В глобальном кризисе 2007–2009 гг. ВВП развитых стран снизился в среднем на 3%, а у развивающихся стран снизились только темпы роста ВВП в среднем с 6 до 2,2%.

Все возрастающую роль стали играть совместные действия группы стран по регулированию финансов. Возросла роль МВФ, Всемирного банка, крупнейших международных банков по континентам. Воздействие на мировые финансы оказывают и решения саммита 20 крупнейших стран мира и более узкого саммита стран G7. Сформировался Европейский союз, а в его составе — Шенгенская зона, зона единой валюты евро. Процессы локальной ин-

теграции идут в Юго-Восточной Азии и на американском континенте.

Финансы приобрели определенную самостоятельность, во многом оторвались от своей прежней основы — объемов общественного производства и товарных потоков. Фьючерсы на нефть, например, по объему почти на порядок превышают реальный объем торговли нефтью между странами и во многом определяют цены на нефть.

В связи с самостоятельной динамикой финансов повысились риски финансовых кризисов — ипотечных, долговых, валютных. Время от времени происходит неконтролируемый обвал курса акций и катастрофическое падение фондовых рынков, на десятки процентов меняются курсы валют в отдельных странах. Сегодня фактически любой кризис начинается с финансовых неурядиц и лишь затем распространяется на экономику и социальную сферу. Поэтому все в большей мере кризисы приобрели не периодический, циклический характер, а структурный характер. Несколько лет назад, например, обвал на $1/3$ курса акций на крупнейших китайских биржах лишил их владельцев 5 трлн долларов. На нашей памяти произошло несколько крупнейших обвалов американской биржи высокотехнологических компаний NASDAQ. Недавно на 8% просела главная Нью-Йоркская биржа. Владельцы акций лишились триллионов долларов.

В связи с этим резко выросла волатильность и даже турбулентность финансово-экономического развития. Время от времени это приводит к новым процессам длительной стагнации, например, 10-летняя стагнация в США в 70-х годах, когда два президента, Генри Форд и Джимми Картер, не смогли выправить ситуацию и поэтому проиграли выборы на второй срок, что бывает довольно редко. Все чаще отдель-

ные страны попадают в неглубокие, но весьма продолжительные кризисы, которые называются рецессией и обычно начинаются и завершаются стагнацией.

В 70-х годах возникло новое явление — стагфляция, когда при отсутствии спроса, при стагнации или падении общественного производства, росте безработицы не снижаются, как это всегда было раньше, а повышаются потребительские цены — инфляция. США с трудом, благодаря коренной реформе экономики в период президентства Рейгана, который перешел к «рейганомике», удалось справиться со стагнацией и стагфляцией в 70-х — начале 80-х гг. и обеспечить небывалый подъем экономики США.

Новым явлением после Второй мировой войны стал переход отдельных отсталых стран к финансовому форсажу, когда в 1,5–2–3 раза увеличивалось кредитование, монетизация, в 1,5 раза возрастала доля инвестиций в основной капитал, вдвое снижалась инфляция и процентная ставка. Этот финансовый форсаж обеспечивал в течение 10–20 лет небывалые для прошлых лет темпы социально-экономического роста в этих странах, их рывка от отсталости к передовому уровню. Такой рывок сделала послевоенная Франция, использующая для этого заимствованное в СССР планирование, приспособив его к рыночной экономике, Испания, Ирландия с 1990 года — самая отсталая страна Евросоюза, которая за 10 лет смогла существенно опередить Англию по основным социально-экономическим показателям, в том числе благодаря привлечению крупного американского капитала. Такие страны Юго-Восточной Азии, как Китай, Южная Корея, Тайвань, Малайзия, Сингапур, которых называли «азиатскими тиграми». В последнее время речь идет и об Индии. Все эти страны за 10 лет стали увеличивать ВВП от

1,6 до 2,5 раз и смогли коренным образом преобразовать экономику.

Этот опыт, на наш взгляд, крайне важен для России, которая в последние 10 лет пребывает в кризисе, стагнации и рецессии, практически топчется на месте, отставая вдвое от темпов роста мировой экономики, втрое от прироста ВВП развивающихся стран и увеличивая экономику медленнее развитых стран.

Перед Россией сейчас стоит главная задача, поставленная Президентом РФ В.В. Путиным в его Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 года и Указом от 7 мая 2018 года, по ускоренному социально-экономическому росту до 2024 года с продолжением этого ускорения до 2030 года. Добиться такого перелома можно только с помощью коренного улучшения финансовой деятельности.

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Финансовая сфера в России, пожалуй, самая отсталая из крупных социально-экономических показателей. В международном рейтинге по развитию финансового рынка Россия занимает 107 место, уступая не только 25 развитым странам мира, но и еще 80 странам с развивающейся и переходной экономикой. Притом подавляющая часть этих стран имеет более низкий по сравнению с Россией экономический и социальный уровень. В 2–3 раза уровень монетизации России ниже в сравнении с большинством других стран. Ценовая доступность финансовых услуг в России на 94 месте в мире, возможность получения венчурного капитала — на 89-м, финансирование локальных производителей — на 90-м. В целом возможность получения финансовых услуг оценивается 101 местом, а легкость получения финансирования —

110 местом. По регулированию фондовых бирж Россия на 112 месте в мире, а по устойчивости банков — аж на 121-м. Можно было бы приводить и дальше цифры, свидетельствующие о слабости и отсталости нашего финансового рынка.

Его коренной недостаток — отсутствие рынка капитала, а, значит, отсутствие сколь-нибудь действенного финансового механизма развития. Тем более что мы резко отстаем по уровню конкурентности и стимулирования.

Если сравнить уровень экономического развития (ВВП на душу населения) и уровень социального развития с учетом ожидаемой продолжительности жизни, то в международном рейтинге Россия занимает примерно 45 и 65 места. А по общему объему ВВП, по паритету покупательной способности, по данным Всемирного банка, Россия занимает 6 место, вплотную подойдя к Германии.

За 25 лет существования новой России ни уровень экономического развития, ни уровень социального развития в целом не поднялись. Сегодня они близки к уровню 1989 года. Жизнь существенно изменилась, практически исчез дефицит, появились относительно развитые рынки товаров и услуг, недвижимости, кредитных ресурсов (в основном кратковременных). Люди получили большие свободы в выборе места работы, места проживания, проявлении своих способностей и зарабатывании денег и многого другого. Жизнь, безусловно, изменилась в лучшую сторону. Есть возможность поехать за рубеж, в том числе на отдых, получить желаемое образование при наличии средств и т.д.

Но если взять коренные показатели ВВП на душу населения, численность бедных, ожидаемую продолжительность жизни, то мы мало продвинулись за 25 лет. Россия по объему ВВП 25 лет назад уступала только США и Японии, намного

превосходя Германию, Китай, Индию, а сейчас переместилась на 6 место. Если же ВВП считать не по паритету покупательной способности, а по официальному курсу доллара, то Россия не войдет даже в десятку ведущих мировых стран, а займет 12–13 место.

Самое слабое место в финансировании России — это инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, то есть, прежде всего, в сферу «экономика знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение). Доля инвестиций в основной капитал в ВВП России в последние годы составляет 17–18%, а доля вложений в «экономику знаний» — всего 13%. Развитые страны имеют норму инвестиций в ВВП — около 30% в Западной Европе и 40% — в США. Понятно, что при таких показателях мы не сможем вырваться из отсталости. Развивающиеся страны, к примеру, имеют норму инвестиций в ВВП 30–35%, почти вдвое выше, чем в России, а долю инвестиций в «экономику знаний» — 15–20%. То есть существенно опережают Россию. И поэтому развиваются втрое быстрее.

Отсутствие сколь-нибудь значительных объемов «длинных» денег в России приводит к повышенной волатильности и турбулентности на наших финансовых рынках, поскольку в акции и в приобретение облигаций вкладываются не «долговременные», а «кратковременные» деньги. По инвестициям идет явное недофинансирование нашей экономики, особенно передовых, высокотехнологических отраслей, ибо значительная часть инвестиций вкладывается в нефтегазовые и сырьевые отрасли, а также в производство материалов. А отрасли, производящие готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью, особенно высокотехно-

логические товары и услуги, получают инвестиции на минимальном уровне.

Крупнейшие российские компании в период подъема экономики в 1999–2008 годах изыскивали средства для инвестиций в основной капитал из дополнительных доходов от экспорта нефти в связи с повышением ее цены за баррель за этот период в восемь раз.

В последующие годы ведущие российские компании основные инвестиционные средства занимали на мировом финансовом рынке, в виде инвестиционных кредитов у западных банков, особенно при покупке оборудования за рубежом для развития своего предприятия. Поэтому внешний долг России на 1 января 2014 года, до введения санкций, превысил 730 млрд долларов, а до этого был 470 млрд долл., и в основном это был корпоративный долг, составивший 50% ВВП по внутреннему валютному курсу.

Введение санкций с ограничением доступа на мировой финансовый рынок для России привел к сокращению этого долга более чем на 200 млрд долларов. И сейчас мы наблюдаем явное недофинансирование нашей экономики и социальной сферы.

В 2014–2017 годах инвестиции в России снизились на 8%, главным образом за счет сокращения инвестиций со стороны предприятий, организаций и банков, контролируемых государством. Здесь снижение инвестиций составило более 20%. И оно продолжилось в 2017 году. Инвестиции немного растут только за счет частных инвестиций. Поэтому сейчас у нас практически нет источников социально-экономического развития. И Минфин изыскивает эти источники за счет снижения расходов госбюджета на пенсии с помощью увеличения возраста выхода на пенсию на пять лет, повы-

шения ставки НДС с 18 до 20%, а также за счет изменения налогообложения нефтяных компаний. Кроме того, принято решение о государственно-частном партнерстве с ведущими олигархическими и полуолигархическими организациями в России солидарно за счет частных и государственных инвестиций. Но эти изысканные Минфином источники дают не триллионы рублей дополнительных инвестиций, которые нам нужны, а только сотни миллиардов.

Говоря об острой нехватке «длинных» денег, а это, прежде всего, инвестиционные средства, нужно сказать, что в России отсутствуют сколь-нибудь значительные внебанковские фонды «длинных» денег: накопительные пенсионные фонды, паевые фонды, страховые фонды, венчурные фонды и т.д. Все вместе это лишь десятая часть банковских активов. Сфера совершенно не развита, и Центральный банк, который уже несколько лет руководит внебанковскими активами денежных средств в России, ничего не сделал для ускоренного формирования этих фондов «длинных» денег.

На протяжении 25 лет новой России наши органы управления не приобрели навыков мобилизации резервных средств страны, не освоили новых источников инвестиций и вложений, к которым их призывал В.В. Путин еще в 2014 году на заседании Экономического совета. Тогда он прямо сказал, что старые источники финансовых средств в России исчерпаны. И если мы будем на них опираться, нас ждет нулевой рост. Нужны новые источники. Минфин и правительство способны изыскать их, как мы видим, только за счет социальных расходов — экономия на пенсиях, увеличение розничных цен в связи с повышением НДС. Они не ищут и не умеют искать высокоэффективных вложений средств, где за счет высокоэффективных инвестиций можно получить на-

много больше средств. Причем само инвестирование капиталовложений Минфин осуществляет главным образом через бюджет на безвозвратной основе. Эти деньги не возвращаются, и каждый год приходится что-то придумывать, чтобы за счет сокращения тех или иных расходов получить эти средства.

Вся финансовая система России, если на нее взглянуть с позиции эффективности, является крайне неэффективной. Система налогообложения является чисто фискальной. Она не выполняет стимулирующей роли. Даже прибыль предприятий, из которой формируется основная часть инвестиций в России, не освобождена от налогов, что сразу бы добавило инвестиционных средств и позволило бы вывести из тени значительные средства, которые предприятия прячут в себестоимости, сокращая налогооблагаемую прибыль. Ничего не сделал Минфин и для изменения давно устаревшей амортизационной системы России, где крайне велики амортизационные сроки, если сравнить их с передовыми странами, нет эффективных правил ускоренной амортизации и т.п. Поэтому и из амортизационного фонда изымается намного меньшая часть инвестиций, которые можно было бы здесь изыскать. Крупные инвестиции могут быть получены и в рамках госбюджета, если все окупаемые проекты, прежде всего в национальную экономику (а это — 2 трлн руб.), финансировать в виде инвестиционного кредита на возвратной основе по низким процентам, покрываемым за счет бюджета. Такая мера сократит бюджетные средства на это финансирование по крайней мере в 10 раз и высвободит их для инвестиций и вложений.

У Минфина нет даже попытки использовать хотя бы часть золотовалютных резервов в виде инвестиционного кредита

для надежных, высокоэффективных проектов, которые будут возвращаться через 5–7 лет, а ведь золотовалютные резервы в России превысили 450 млрд долларов, из которых 150–200 млрд не понадобятся нашей стране в обозримом будущем. Они лежат без дела и обесцениваются по 20–25 млрд долларов в год.

Крупные средства на жилищное строительство и вложение в развитие автомобильной промышленности можно было бы получить за счет взаимовыгодных облигаций для населения, у которого 40 трлн рублей лежит в России, и еще 700–1000 млрд долларов — на счетах в зарубежных странах. А ведь значительная часть этих людей нуждается в улучшении жилья, приобретении легковых машин, и здесь можно было бы найти баланс интересов государства и населения.

Огромные средства, по 1 трлн рублей ежегодно, можно было бы получить, по примеру московских властей, от приватизации государственного имущества. Сегодня, по данным Всемирного банка, государственные предприятия и организации, включая бюджетные, контролируют 71% производства ВВП России, в то время как 15 лет назад они контролировали всего 35% этих средств. Конечно, эти средства нужно тоже использовать в национальной экономике на возвратных условиях в виде инвестиционного кредита, например, для создания современной инфраструктуры, выдавая кредит на строительство двусторонних автострад, скоростных железных дорог под 3% годовых на 20–25-летний период, как это делает Китай.

Но самый главный неиспользованный резерв для инвестиций и вложений — банковские активы. Они составляют около 88 трлн рублей и практически равны объему ВВП. Используются они крайне неэффективно, только для выдачи

неинвестиционных краткосрочных кредитов. Доля банковских инвестиционных средств — объем инвестиционного кредита сократился до 8% от общей суммы инвестиций в стране, в то время как в США, Германии и других развитых странах эта доля доходит до 40–50%, несмотря на наличие огромных, несопоставимых с Россией фондов «длинных» внебанковских денег, откуда тоже черпаются инвестиции. Можно было бы в 3–5 раз увеличить долю инвестиционного кредита за счет банковских активов, заинтересовав банковскую систему в этих вложениях под государственные гарантии и тому подобное.

Конечно, чтобы мобилизовать все эти средства, нужна серьезная законодательная реформа, включая изменение налоговой системы, которую нужно нацелить на стимулирование. Нужны существенные реформы с привлечением средств из зарплаты и доходов по примеру всех зарубежных стран в области финансирования пенсионного обеспечения, страхового обеспечения, финансирования здравоохранения, введения нормального налога на недвижимость и перехода к частной собственности в обслуживании жильем и рыночным ценам на коммунальные услуги. Но все это надо делать постепенно, продуманно, с возмещением людям возможной потери их заработка и дохода, через индексирование заработной платы и т.д. Удивляет не то, что это не делается, хотя весь опыт мирового социально-экономического развития использует эти методы. Удивляет то, что это даже не обсуждается. Никому в голову не приходит такая простая мысль, что нельзя в перспективе 50 млн пенсионеров обеспечить достойной пенсией за счет предприятий и госбюджета без использования средств населения. Таких стран просто нет и не может быть в рыночной экономике, это тупик по фи-

нансированию пенсий. Практически нет стран, где бы люди не участвовали в оплате части обязательного страхования по здравоохранению. Невозможно достойное финансирование здравоохранения без привлечения средств населения, тем более при крайне низком подоходном налоге.

ПРЕОДОЛЕТЬ ГЛУБОКИЙ БЮДЖЕТНЫЙ КРИЗИС

Начать здесь нужно, по-видимому, с налоговой системы, которая в России не соответствует сложившейся рыночной системе. 200 лет существует налоговая система в мире. Каждая страна строила свою налоговую систему, экспериментировала. Но вот прошло 200 лет, и все рыночные страны пришли к одному и тому же — надо, чтобы примерно половину налоговых средств платило население, а другую половину — бизнес. Россия пошла, как всегда, своим путем. В России 15% налогов платит население и 85% — бизнес. В результате у бизнеса остается недостаточно средств для развития, а, значит, и для увеличения налоговых сумм.

Отсутствие прогрессивного налога на доходы людей увеличивает разницу между богатыми и бедными в России. Здесь средний доход 10% богатых семей в 15,5 раз выше душевого дохода 10% бедных семей. В западноевропейских странах эта разница составляет 8–10 раз, в том числе в странах социал-демократической направленности и в Японии — 5–6 раз. Напомню, что в Советском Союзе эта разница составляла 3 раза и только к 1990 году поднялась до 4 раз.

У нас отсутствует нормальный налог на недвижимость и на землю, при введении которого богатые бы получали относительно меньше средств. К тому же у нас нет и обязательных платежей со своих доходов на пенсии и на страховку по здоровью, которые тоже носят в других странах

солидарный характер. И поэтому за счет средств богатых частично обеспечиваются и пенсии, и медицинская страховка малообеспеченных семей.

В то же время десятки миллионов человек, включая и обеспеченных людей, получают разного рода пособия и льготы от государства, что совершенно неуместно для хорошо обеспеченных людей. В налоговой системе России нет реального понятия «налогоплательщик». Ведь во всем мире налогоплательщиком является семья, ведущая общее хозяйство, и поэтому через налоговую систему государство знает душевой доход своих граждан, оно освобождает от налогов людей с низким душевым доходом. В России ничего подобного нет. Мы реально не знаем, как живут люди, пользуясь лишь выборочными обследованиями. Платим пособия отнюдь не малообеспеченным и т.д. Так что налоговая система нуждается в крупных изменениях.

Если взять налоги для бизнеса, то доля нефти в ВВП России составляет 10%, а доля взыскиваемых с нефтяных компаний составляет 40% от всех налогов. Это хорошо, когда цена на нефть росла, и тогда бюджет увеличивался быстрее, чем ВВП, и тянул его за собой. Но это было в 1999–2008 годах. А в 2008–2018 годах положение обратное. Цена на нефть с 110–115 долларов за баррель снизилась сначала до 60, потом до 30–40 и снова стала повышаться после соглашения о замораживании добычи нефти и достигла уже 66. И поэтому доходы бюджета стали расти медленнее ВВП. Бюджет стал просто сокращаться из-за высокой доли нефтяных налогов и потянул экономику вниз. Поэтому стагнация экономики с 2013–2014 гг., переход к рецессии в 2015–2016 гг., а потом от рецессии опять возврат к стагнации в 2017–2018 годах — это все во многом рукотворное творение Минфина, Минэ-

кономразвития и Центробанка. Их политика вызвала на «пустом месте» стагнацию.

После того как мы восстановили докризисный уровень 2008 года, разогнали инвестиции в 2010–2012 году до 8–10% в год, стали увеличивать ВВП по 4%, реальные доходы по 3% в год, снизили годовую инфляцию в 2012 г. до 5,1% в год при ключевой ставке 5,5%. К тому же цена на нефть выросла до 110–115 долларов за баррель, и объем экспорта увеличился на 50 млрд долларов. Помимо этого, в эти годы мы заняли на мировом рынке 80 млрд долларов в 2010 году, 100 млрд — в 2012 году и 90 млрд — в 2013 году, а всего — 270 млрд долларов, доведя наш долг с 470 до 730 млрд долларов. Баснословная цифра! Казалось, что в 2013 году и последующие годы мы, по крайней мере, продолжим развиваться по 3–4% в год, а может быть и лучше, если немножко мобилизоваться. Радужные планы строились до 2020 г. Оптимизм пронизывал и указы Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2012 г.

И вдруг с 2013 года мы оказались в стагнации. Промышленность — нулевой рост. Инвестиции — ноль против большого роста в предшествующие годы. Финансовый результат предприятий и организаций на 15% снизился и т.д. А в первом квартале 2014 года еще до присоединения Крыма, до санкций, до снижения цен на нефть и девальвации рубля прирост ВВП упал в 2 раза с 1,3% в 2013 году до 0,6% в первом квартале 2014 года, который, кстати, сохранился на весь год. Как это могло произойти? Никаких внешнихотягощающих факторов не было. Это было создано руководителями госорганов. С 2013 года бюджет ежегодно стал сокращать инвестиции и по федеральной линии, и по линии регионов. Крупнейшие корпорации, контролируемые государством

(Газпром, Роснефть, РЖД, Ростехнологии, Росатом и др.), на 30% за последующие 3 года снизили инвестиции, на 25% сократили инвестиционный кредит банки, прежде всего государственные — Сбербанк, ВТБ и др.

Так что снижение инвестиций по предприятиям и организациям, контролируемым государством, составило в 2013–2016 годах 25%. Частные инвестиции в основной капитал за это время выросли по физическому объему на 10%. Но это не смогло компенсировать 20-процентное снижение инвестиций у государства. Их доля была около 50%. Поэтому инвестиции сократились на 11%. Какой экономический рост может быть при сокращении инвестиций?

Одновременно снизилось финансирование человеческого капитала, прежде всего по линии образования — ключевой части «экономики знаний», оно снизилось на 15% в составе ВВП. В рейтинге финансирования образования (4,1% к ВВП) Россия занимает 98 место из 153 стран, а по здравоохранению (5% к ВВП) — 122-е из 190 стран.

Так что динамика нашего бюджета в годы стагнации и рецессии играла двоякую негативную роль в прекращении социально-экономического роста нашей страны. Во-первых, из-за того, что сам объем бюджета сокращался. И во-вторых, в составе бюджета статьи расходов, которые вызывали экономический рост (национальная экономика, образование и здравоохранение), тоже сокращались, поскольку шло перераспределение средств в пользу оборонных и силовых ведомств.

Президентом России, как уже говорилось, поставлена задача о возобновлении ускоренного экономического роста. ВВП на душу населения предстоит поднять до 2025 года в 1,5 раза. Поэтому каждый год дорог.

С чего надо начать, если поставлена эта главная задача?

С поиска инвестиций из активов банков, из средств предприятий, за счет приватизации, за счет использования золотовалютных резервов, за счет облигационного займа у населения, за счет увеличения госдолга и других новых источников. На этот период можно пойти на увеличение дефицита бюджета до безопасного уровня в 3% к ВВП, а это — 3 трлн рублей дополнительных средств в год, которые могут быть направлены на развитие страны. Но ничего этого не сделано.

Главное внимание в начале процесса шестилетнего срока Президента РФ уделено, во-первых, повышению пенсионного возраста. И, во-вторых, повышению ставки НДС. Этому сопутствует постепенное увеличение налогов на недвижимость, увеличение налогов в нефтяной сфере, прекращение долевого жилищного строительства, а значит, повышение цен на жилье на 20–30% и сокращение его строительства на 30 и более процентов. В результате, как считает Минэкономразвития, в 2019 году будет не ускорение социально-экономического развития, а его значительное замедление и по инвестициям, и по реальным доходам, и по промышленности, и по валовому внутреннему продукту.

Все мы понимаем, что инвестиции, которые вкладывались в 2015–2016 годах в период рецессии, когда они резко сокращались, приведут в 2019–2020 года к сокращению ввода основных фондов. А небольшой рост инвестиций в 2017–2018 годах приведет к стабилизации ввода основных фондов в 2021–2022 годах. То есть мы уже заложили фундамент сокращающихся темпов на ближайшие 3–4 года.

С большой вероятностью можно сказать, что в эти годы будет продолжена стагнация. Как же за счет последних 3 лет

нам удастся выполнить крайне высокие и напряженные показатели, намеченные в Указе от 7 мая 2018 года? Думаю, что большинство этих показателей обречены на невыполнение. Государственная Дума рассмотрела уже проектировки бюджета до 2020–2021 года. Никаких структурных реформ, никаких серьезных стимулов, никаких крупных новых источников инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал там не предусмотрено. Составленный бюджет — это бюджет стагнации.

Крупные изменения в доходах и расходах бюджета, на наш взгляд, должны быть осуществлены за счет новой реформы пенсионного обеспечения с позиции участия людей в финансировании накопительных пенсий. Такое же участие должно быть и в финансировании медицинского страхования. Предстоит также активная работа по скорейшему формированию в России небанковских фондов «длинных» денег, для чего нужна реформа в области страхования жизни, новые льготы и стимулы по развитию паевых фондов, снижению процентных ставок по ипотеке и др.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ РОЛЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Активы банковской системы в России — главный денежный мешок, который есть в стране. Он в два с лишним раза больше всех государственных средств, не говоря уже о других, более мелких ресурсах. Поэтому главным источником социально-экономического роста могут стать активы банковской системы. Сегодня меньше 2% этих активов используется в виде инвестиционных кредитов. Их можно увеличить в 3–5 раз: вместо 1,5 трлн рублей до 4–7 трлн. По примеру

США, Японии и других развитых стран формирование столь крупных «длинных» денег банковской системы можно было бы осуществить следующим образом.

Минфин переходит к дефицитному бюджету в 3 трлн рублей. И на эту сумму под 2–3% годовых выпускает долговременные ценные бумаги — от 5 до 25 лет (кстати, США такие бумаги выпускают на 40 лет, а в Японии — даже на 50). Эти ценные бумаги частично покупает Центробанк, у которого около 5 трлн денежных средств, меньшую сумму — Внешэкономбанк, Сбербанк-Капитал, ВТБ-Капитал, Агентство по жилищной ипотеке и другие крупные инвестиционные фонды. Под залог купленных ценных бумаг Центральный банк, Внешэкономбанк, Агентство по ипотеке и другие инвестиционные фонды могут выдавать кредиты под 3–4% годовых коммерческим банкам или напрямую крупным хозяйственным организациям на срок от 5 до 25 лет. Технологическое обновление действующего производства обычно обеспечивает окупаемость 5–7 лет, создание новых предприятий в высокотехнологических отраслях — 10–15 лет, а создание транспортной инфраструктуры — до 20–25 лет. Кроме того, и инвестиционные кредиты можно финансировать за счет средств от приватизации, 150–200 млрд долларов золотовалютных резервов при заимствовании по 20–30 млрд долларов в год, облигационных займов для населения по жилью и автомобильной промышленности. Наше государство сегодня имеет внешнеэкономический долг 3–4% ВВП, а с внутренним долгом — около 15%. Так что оно может нарастить этот долг до 30–40% ВВП, то есть занимать по 30–40 млрд долл. в год дополнительно суммарно до 400–500 млрд долларов у Китая, Тайваня, Японии, Саудовской Аравии и стран ОПЕК, у инвестиционных фондов и международных банках.

Эти средства тоже надо использовать на возмездных началах, чтобы гарантировать государству их возврат в запланированные сроки.

Вообще резкий рост инвестиционного кредита для новых инвестиций позволит более целеустремленно использовать деньги, поскольку их надо возвращать. Под них составляются конкретные проекты. Очень важно привлечь к этому коммерческие банки, располагающие квалифицированными кадрами, которые могут помочь предприятиям и организациям заказать нужное им оборудование за рубежом по приемлемым ценам с хорошей юридической проработкой этих вопросов и так далее. Как видно, банки здесь сыграют главенствующую роль в том, чтобы раскрутить народное хозяйство и обеспечить быстрый рост инвестиционного кредитования, наиболее эффективного инструмента для инвестиций. Такой подход обяжет Центральный банк повернуться лицом к социально-экономическому развитию, которое должно стать главной его задачей.

ПЕРЕХОД К ПОЛИТИКЕ ФИНАНСОВОГО ФОРСАЖА — ПУТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА

Как известно, основными источниками экономического роста являются инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал — в «экономику знаний», которая является главной составной частью человеческого капитала. На наш взгляд, чтобы переломить ситуацию и выйти на реальный экономический рост, нужно увеличивать инвестиции и вложения по 8–10% в год. Тогда доля инвестиций к 2020 году достигнет 22%, доля «экономики знаний» — 18% в ВВП, а к 2025 году, если это продолжить, то доля инвестиций может вырасти до 27%, а доля вложений в «экономику

ку знаний» — до 25%. Это обеспечит экономический рост в размере 3% к 2021 году, если со следующего года начать финансовый форсаж, и до 4–5% к 2025 году. При продолжении такого темпа до 2030 года удельный вес инвестиций в основной капитал надо довести до 30–33%, а долю вложений в человеческий капитал — до 35%. Тогда ежегодный рост экономики поднимется до 5–6%.

Поскольку объем инвестиций в основной капитал составляет около 16 трлн рублей, а вложения в «экономику знаний» — около 11 трлн рублей в 2017 году, то для 10-процентного их роста требуется 1,5–2 трлн ежегодно до 2020 года средств в инвестиции и до 1,5 трлн рублей средств в «экономику знаний». Эти средства легко собрать и за счет увеличения инвестиционных кредитов банковской системы, и за счет других мер, о которых было сказано выше. Крайне важно, конечно, чтобы эти инвестиции были нацелены на принципиальное технологическое обновление действующего производства и на быстрый рост высокотехнологических отраслей, а также на формирование современной транспортно-логистической инфраструктуры.

Термин «финансовый форсаж» заимствован из книги под редакцией Я. Миркина по ускоренному развитию стран Юго-Восточной Азии и, прежде всего, Японии, Китая и Южной Кореи. Рост в Японии пришелся на 1950–1970 годы, Южной Кореи — на 1970–1990 годы и Китая — на 1980–2010 годы. В среднем за 10 лет эти страны увеличивали свой ВВП в 1,6–2 раза. Наивысшие темпы имел Китай.

Мною предпринята попытка примерить этот опыт к России. Сегодняшний уровень России, надо сказать, существенно выше, чем был у Китая, Японии и Южной Кореи, когда они начинали финансовый форсаж. Мы намного

выше и по уровню экономического и социального развития, и особенно по уровню образования, имеем более развитую промышленность, серьезные научно-технические заделы в отдельных отраслях, устойчивость социально-политического положения.

Эти страны, прежде всего, повысили долю инвестиций в валовом продукте в 1,5–2 раза, увеличили объем кредитования, особенно инвестиционного, в 2–2,5 раза. Они увеличили монетизацию экономики за весь период в 2,5–3 раза при снижении ссудного процента в банках и инфляции в 2–2,5 раза. При этом часть кредитов была получена за счет дефицита бюджета, использования резервов и наращивания долгов, в том числе по линии государства. Серьезную работу они провели по стимулированию экономического роста и инвестиций. Широко использовались также средства населения.

Вся работа центральных банков и бюджета была подчинена этому процессу, который довольно жестко управлялся. Был создан специальный орган управления при высшей власти — Агентство по реформам, которое осуществляло координацию всей деятельности через систему планирования. В это же время они существенно развили конкурентную среду, ввели более жесткое антимонопольное законодательство, широко используя иностранный опыт, иностранную технику. Они создали лучшие условия для привлечения в страну зарубежного капитала, хотя ни в одной из этих стран он не играл главной роли.

При финансовом форсаже, о котором говорилось выше, к 2024–2025 году можно выйти на темпы 4–5%, а к 2030 году — на темпы 5–6%. При этом будет выполнена поставленная президентом задача о том, чтобы вывести экономику

России с 6-го на 5-е место в мире по паритету покупательной способности, опередив Германию.

Если же продолжить действующие тренды, то ВВП России будет увеличиваться ежегодно до 2024 г. по 3%, как это предусматривает Минэкономразвития, представившее в сентябре 2018 г. эти прогнозные показатели в правительство. В этом случае Россия, скорее всего, не поднимется с 6-го на 5-е место по паритету покупательной способности ВВП, а опустится на 7-е место, пропустив вперед Индонезию с ее 240 млн населения, которая развивается существенно быстрее.

В современных условиях, в отличие от указанного опыта азиатских стран, ключевое значение в эффективности финансового форсажа имеет ставка на цифровую экономику, широкое использование информационных технологий, искусственного интеллекта, автоматизированных систем управления. Если дальше развиваться по 5% в год, то к 2030–2035 годам мы достигнем уровня развитых стран мира по экономическим и социальным показателям, а к 2035–2040 годам уровня самых развитых стран — стран G7 по этим показателям. Ориентиром здесь может быть Германия, которая сегодня производит на душу населения ВВП около 50 тыс. долл. против 25–28 тыс. долл. в России. При этом к 2030 году по экономическим показателям мы достигнем уровня развитых стран и по социальным показателям, особенно по продолжительности жизни, жилищной благоустроенности и обеспеченности жильем и по здравоохранению — до 2035 года.

В международных рейтингах к 2035 году по этим показателям мы могли бы достигнуть примерно 10 места по образованию, 30 места — по здравоохранению, 20 места — по ВВП на душу населения.